

Согласно этикету, место Ли Линьюэ находилось впереди Шангуань Ваньэр, между ними стояло несколько столов, так что даже перешептываться было сложно, не говоря уже о разговоре на расстоянии. Ли Линьюэ отказалась от мысли общаться с Шангуань Ваньэр и ограничилась беседой с ближайшими родственницами. Она смотрела на своих племянников и племянниц, чья природная склонность к играм была подавлена, и думала об их предстоящей судьбе, невольно вздыхая: все говорят, что жизнь королевских детей прекрасна, но кто знает, сколько горького скрывается за ней? Даже если они живут в роскоши, они даже не знают, сколько лет им отведено.

Она взяла бокал, задумчиво отхлебнула из него. В этот момент императрица У взглянула на нее, заметив ее меланхоличное выражение лица, и слегка нахмурилась, о чем-то размышляя.

Остальные гости продолжали весело поднимать бокалы и смеяться, наслаждаясь танцами и музыкой в зале. Вскоре раздались звуки барабанов и колоколов, возвещающие о наступлении момента прощания с прошлым и встречи нового года. Все встали, поклонились главному столу и произнесли:

— Пусть благополучие продлится в новый день, а праздник жизни будет бесконечным!

После церемонии банкет подошел к концу. Императрица У разрешила нескольким детям выйти на улицу, чтобы запустить петарды, и в зале остались только женщины. Хотя атмосфера казалась гармоничной, Ли Линьюэ чувствовала некую подавленность. Пользуясь тем, что она еще не достигла совершеннолетия, она обратилась к императрице У:

— Мама, эти дети еще маленькие, может, я пойду присмотрю за ними?

— Иди.

Ли Линьюэ поблагодарила с поклоном и, проходя мимо места Шангуань Ваньэр, не удержалась и потянула ее за руку:

— Мама, мне одной будет сложно уследить за всеми детьми, пусть Ваньэр пойдет со мной.

В последние дни Ваньэр была занята подготовкой к банкету и даже не успевала помогать Су Мунин с уроками, поэтому Ли Линьюэ не видела ее уже некоторое время. Сейчас, получив такую возможность, она не смогла удержаться. Императрица У, видя, что обе ведут себя смиренно, не стала возражать и махнула рукой:

— Ладно, идите.

Ли Линьюэ с улыбкой повела Шангуань Ваньэр за собой.

На улице племянники и племянницы Ли Линьюэ стояли у костра, бросая в него петарды, и звуки взрывов наполняли воздух. Ли Линьюэ подумала, что Ваньэр, проведшая последние несколько лет в дворцовых покоях, вероятно, никогда не видела петард, и решила подвести ее поближе, чтобы она почувствовала атмосферу праздника. Но, странным образом, когда она тянула Ваньэр вперед, та все время отстранялась.

Ли Линьюэ обернулась:

— Ваньэр, ты не хочешь бросить петарду?

Шангуань Ваньэр смотрела на трещащие в огне петарды и смущенно покачала головой:

— Нет, я лучше посмотрю издали. Если принцесса хочет играть, идите.

Ли Линъюэ взглянула на петарды, затем на слегка нахмуренную Ванъэр, и вдруг поняла: Ванъэр боится. С легкой улыбкой она все же взяла Ванъэр за руку и подвела к костру. Взяв петарду у слуги, она бросила ее в огонь, и раздался оглушительный треск, заставивший Ванъэр вздрогнуть.

Ванъэр такая милая. Ли Линъюэ улыбнулась, нежно погладив ее по спине:

— Давай, брось одну, чтобы изгнать зло.

Она ободряюще посмотрела в глаза Ванъэр, и та почувствовала, как ее сердце заколотилось.

Если она хочет, чтобы я бросила, то я брошу. Шангуань Ванъэр взяла петарду, глубоко вдохнула и бросила ее в костер.

Треск-треск. Петарда загорелась, ее зеленая оболочка постепенно почернела, она покатилась по земле и затихла. Ничего страшного. Ванъэр вздохнула с облегчением.

Ли Линъюэ с улыбкой спросила:

— Видишь, ничего страшного, правда?

Шангуань Ванъэр кивнула.

Ли Линъюэ взяла у слуги еще две петарды, одну оставила себе, другую отдала Ванъэр. После первого опыта страх Ванъэр уменьшился, она взяла петарду, они обменялись взглядами и одновременно бросили их в огонь.

Треск-треск. Петарды прыгали в пламени, как и сердце Ванъэр. Ли Линъюэ посмотрела на нее и увидела на ее лице такую же улыбку, как у окружающих детей. Ее Ванъэр все еще ребенок.

Как хорошо. Ли Линъюэ улыбнулась, ей нравилась Ванъэр в любом виде. Хотя она не могла позволить ей оставаться ребенком навсегда, она обязательно обеспечит ей спокойную жизнь.

После Нового года двор будет отдыхать семь дней, и, за исключением большого собрания в первый день, все чиновники смогут остаться дома. Шангуань Ванъэр также получила свободное время и осталась в своем дворе, чтобы провести время с матерью.

Хотя она уже была наложницей Ли Чжи, госпожа Чжэн все же приготовила для дочери вино Ту Су и блюдо из пяти пряностей, чтобы отпраздновать ее новый год.

Шангуань Ванъэр попробовала угощения, после чего они с матерью сели на кушетку и начали беседу.

— Ванъэр, прошел еще один год, — госпожа Чжэн смотрела на дочь, в ее глазах читалась мудрость прожитых лет. — Жизнь подобна приливам и отливам, она никогда не останавливается. Теперь ты рядом с императрицей, будь осторожна во всем.

Шангуань Ванъэр с улыбкой налила чай и подала его матери:

— Мама, не волнуйся, я все понимаю. Императрица ко мне добра, и...

Она чуть не произнесла имя А Юэ, но вовремя остановилась, подняв глаза на обеспокоенную

мать.

— И сейчас я наложница императора, никто не посмеет меня обидеть.

— Это хорошо. На лице госпожи Чжэн все же оставалась легкая тень беспокойства. Она вдруг вспомнила что-то и спросила. — Кстати, я слышала, что принцесса Тайпин привезла тебе ученицу.

— Да, ее зовут Ниньэр, она умная и старательная девочка. Как-нибудь я приведу ее познакомиться с вами.

Мать была рада, что дочь в таком юном возрасте уже имеет ученицу, и кивнула:

— Хорошо.

Шангуань Ваньэр улыбнулась, наливая чай в свою чашку, когда вдруг услышала слова матери:

— Кстати, принцесса тоже о тебе заботится. Жаль только, что она все же принцесса, и ей придется выйти замуж и покинуть дворец.

Рука с чайником дрогнула, и чай пролился на стол. Госпожа Чжэн заметила рассеянность дочери и окликнула ее:

— Что случилось, Ваньэр?

Шангуань Ваньэр очнулась, поспешно поправила чайник и, пока слуги убирали пролитый чай, покачала головой:

— Ничего, мама, я просто думала, когда привести Ниньэр.

Глядя на наивное выражение лица дочери, госпожа Чжэн расслабилась:

— Не торопись, дитя.

Она только что произнесла эти слова, как вдруг вошла служанка и низко поклонилась:

— Госпожа Наложница, принцесса Тайпин прибыла.

Ли Линьюэ вошла с Су Мунин и Су Мучжэнь, увидев, что госпожа Чжэн хочет встать, поспешила остановить ее:

— Госпожа, не беспокойтесь, я привела Ниньэр, чтобы она представилась вам.

Она подмигнула Су Мунин, и та сразу же низко поклонилась:

— Ученица Су Мунин приветствует наставника и госпожу Чжэн. Желаю вам благополучия и долголетия!

Госпожа Чжэн поспешила поднять ее. Су Мунин вела себя с достоинством, ее мягкий характер напоминал юную Шангуань Ваньэр, и госпожа Чжэн почувствовала к ней симпатию. Она позвала Су Мунин поближе и расспросила о ее учебе.

Ли Линьюэ, воспользовавшись моментом, взглянула на Шангуань Ваньэр, которая наблюдала за матерью и ученицей, изредка вставляя реплики. На ее лице была учтивая улыбка, но в

глазах читалась легкая грусть. Ли Линьюэ заметила это, но не стала говорить прямо, а просто сидела на гостевом месте, отвечая на вопросы госпожи Чжэн, ни разу не пошутив с Ваньэр.

Шангуань Ваньэр также соблюдала дистанцию, не вступая в лишние разговоры, и только когда Ли Линьюэ объявила о своем уходе, она встала и улыбнулась:

— Я провожу принцессу.

Ли Линьюэ и Шангуань Ваньэр шли впереди, за ними следовали Су Мунин и Су Мучжэнь, держась за руки. Ли Линьюэ оглянулась на них и приказала:

— Мучжэнь, отведи Ниньэр за лошадьми.

<http://bllate.org/book/17694/1651772>